

Детектив в двух действиях, восьми картинах

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

хорошо, подумал я, Водоканал и Бассейновая инспекция верят этой лаже, но СЭС делает собственные анализы. Кислоты могут нейтрализоваться фекалиями и бытовыми стоками, но ведь фтор никуда деться не может!

В один прекрасный день явился я на набережную и отобрал пробу воды, текущей из канализационной трубы, как раз в то время, когда на выходе должен был находиться пик выбросов. Всякой дряни в стоках было более чем достаточно, но ни кислот, ни фтора, ни хрома я не обнаружил. Тогда, вооружившись железным крючком и пробоотборной кружкой, я начал вскрывать канализационные люки, ведущие к родному предприятию. Оказалось, что адская смесь давно съела трубы, растворила бетонную подложку и теперь просто утекает в землю. То есть где-то неподалеку от музея-квартиры В.И.Ленина под землей располагается небольшое кислотное озеро и каждый рабочий день в него добавляют около полутонны кислоты. Которая хорошо растворяет пески, глины и все подряд. Однажды утром дом со всеми жителями и музеем-квартирой вождя уйдет под землю... Вот почему так берегло меня руководство! Должность моя называлась зицпредседатель, меня держали на случай, если все-таки грянет гром.

Здравый смысл требовал немедленно бежать с такой должности. Я стал писать докладные, но не пихал их в руки начальству, а передавал секретаршам — под расписку. За два месяца таких докладных скопилось два десятка, и я решил, что пришла пора идти сдаваться. Однако судьба опередила меня: на завод явилась с проверкой инспектор Водоканала Наталья Сергеевна Фефелова.

Картина вторая

Место действия — во дворе. Вокруг невысокой женщины толпилось начальство.

— Вы мне лапшу на уши не вешайте! Какая же это технологическая канализация? Это — общесплавная, вон там какашки плавают!

— Плавают. Мы понимаем, что это нарушение, но что мы могли поделать? Проектировщики все туалеты в этом здании заложили на чистой половине, так что обычному персоналу, ну с тех же очистных, просто некуда сходить по нужде. Вот мы и устроили для них туалет в помещении инструментальной кладовой. А там общесплавной канализации нет, только тех-

нологическая. Туда мы и сделали врезку. Конечно, так не полагается, но как иначе исправить это дело?

Это было правдой, но данный люк и впрямь принадлежал общесплавной канализации, никаких технологических стоков там не было. А настоящий люк, прикрытый строительным мусором, находился шагах в двадцати.

— Тут на плане два люка обозначены, — сказала Фефелова. — Где второй люк?

— Нету, — спокойно врало начальство. Это строители что-то напутали.

Все начальство почтительно толпилось вокруг инспектора, в я стоял за спиной, видимый только ей. Я поднял руку и помахал, привлекая к себе внимание, и указал на кучу мусора. В лице Фефеловой ничто не дрогнуло. Она дождалась, пока я вернусь к группе, после чего произнесла:

— Странно... Если первый люк здесь, то второй по плану должен находиться приблизительно вот тут. — Пальчик указал на кучу мусора. — Ну-ка, откиньте эти доски... По-моему, это люк.

Люк был открыт, глазам предстал ручеек, бегущий по изъеденной бетонной подложке. Невооруженным глазом было видно, как растворяется бетон...

— У нас сегодня авария! — заверещало начальство.

— Завтра ваш главный инженер — с объяснениями к нашему руководству, — промолвила инспектор на прощание.

На рабочее место я вернулся с чувством злорадства и тревоги одновременно. Через полчаса объявился и мой начальник.

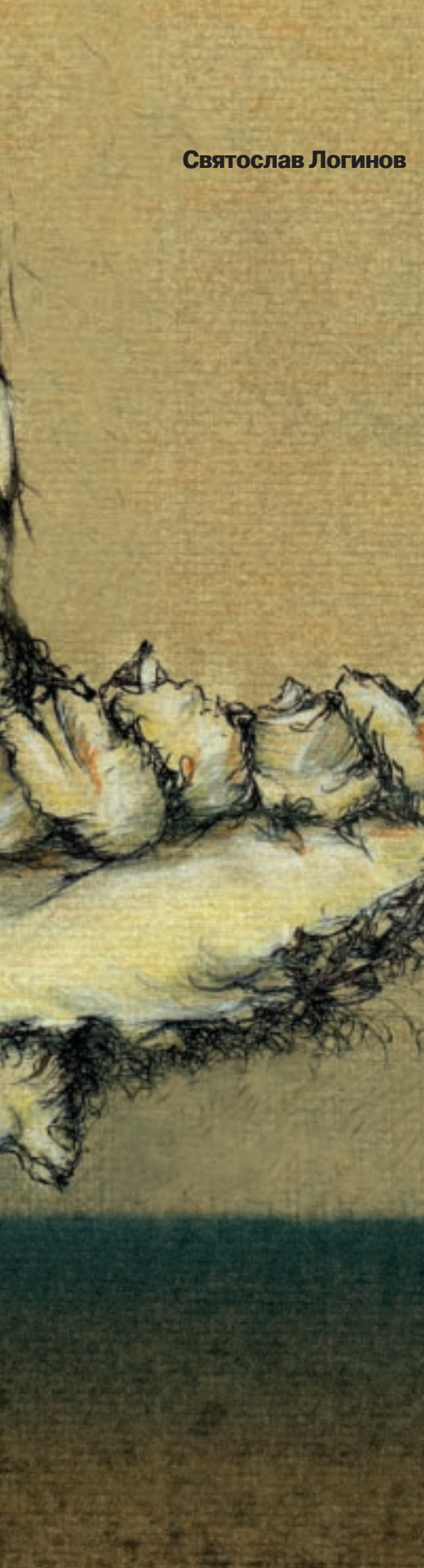
— Вот что, — сказал он с порога, — бросайте все эти глупости, анализы ваши, вам для анализов лаборантов дали, а ваше дело — охрана природы! Завтра с утра поезжайте в Водоканал, поговорите с Фефеловой, в ресторан ее пригласите, если нужно — переспите с ней, дама молодая, симпатичная, а кольцо на левой руке — заметили? Короче, сделайте ее вашим лучшим другом, чтобы она прекратила цепляться к нам. Матпомощь на ресторан вам выпишут.

На следующий день я отправился в управление Водоканал. Наталья Сергеевна встретила меня улыбкой.

— Они вас прислали? Я же сказала, чтобы приехал главный инженер, и не ко мне...

— Я по личному вопросу. Руководство поручило мне переспать с вами.

И я поведал о метле, заменяющей реактор, о картонках с нарисованными

шкалами, о перекачке стоков, а также... о таинственной подпольной гальванике.

Картина третья

Экскурсии — мое любимое занятие. Во время одной из таких прогулок на четвертом этаже старого заводского корпуса я обнаружил гальванический участок, не отмеченный в бумагах. Когда я спросил, чем, собственно, этот участок занимается, то услышал ответ:

— Шильдики делают.

Шильдик — это маленькая алюминиевая полоска, на которой написано название изделия. Надпись вытравляют на алюминии раствором хлорного железа. Четырехсоткилограммовая бочка этого реактива стояла во дворе. Заводу одной такой бочки должно было хватать лет на двести, но они менялись раз в три месяца. Странно... А теперь объявился целый участок по изготовлению шильдиков, хотя с подобной работой вполне справился бы один человек с фотоковетой на уголке лабораторного стола.

Когда я попросил показать процесс, мне показали стол и две кюветы, в одной из которых шильдики травились, во второй — промывались.

— А это все зачем? — Я обвел широким жестом ряды электролизных ванн.

— Это запасная гальваника.

— Какая же она запасная, если в ваннах растворы?

— Так они же холодные. Можете потрогать. Никто с этими ваннами не работает.

Каждую неделю я заходил на четвертый этаж и ни разу не видел, чтобы там делали хоть что-то, кроме шильдиков. Ванны были холодными, но растворы таинственным образом не высыхали. Загадка не давала мне покоя — что за жидкости не желают высыхать в неработающих ваннах? Взял фарфоровую эрлиховскую кружку и отправился отбирать пробу на анализ. Но едва я сунулся к ванне со своей кружкой, как получил крепкую оплеуху.

— С ума сошел! — Начальник участка, крепкий парень с короткой стрижкой, уже был рядом. — С такой кружкой в раствор!.. Жить надоело?

— Плавиковая, что ли? — спросил я.

— Вот именно!

Уходил я с участка в смятении чувств. Конечно, получить плюху — мало приятного, но, думал я, у начальника просто не было времени по-другому остановить дурака, вздумавшего лезть фарфором в плавиковую кислоту. Стекло, фарфор и кварц растворяются в плавиковой кислоте, выделяя газообразный тетрафторид кремния, которым очень просто отравиться. Вот только для каких надобностей плавиковая кислота может быть налита в электролизные ванны и почему ее пары не потравили работников? Я решил явиться с поливиниловым отборником и отобрать пробу по всем правилам. Однако потом обнаружил кислот-

ное озеро под домами Петроградской стороны, и мне стало не до подозрительной гальваники, в ваннах которой почему-то налита плавиковая кислота.

— Хорошо, — подвела итог моему рассказу Фефелова. — Я приду с представителем Рыбнадзора.

А Рыбнадзора в Ленинграде побаивались, ибо бассейн реки Невы — это не только корюшка, которой лакомился простой народ, но и миноги, попадающие на стол только самым высокопоставленным слугам народа. Ленинградский партийный царек Романов не одобрил бы появления на его столе миноги, замаринованных во фтористоводородной кислоте.

На следующий день, явившись на службу, я доложил, что инспектор спать со мной не согласилась, а намерена продолжать разбирательство и собирается вызвать Рыбнадзор.

— Вот как? — ощерилось начальство — Я эту стерву уволю!

Зам. главного инженера СКБ «Счетмаш» позвонил главному инженеру Водоканала и напомнил о партии компьютеров, которую «Счетмаш» безвозмездно обещал передать Водоканалу. Это могло сработать, но Фефелова успела раньше. На следующий же день на завод прибыли сразу два инспектора.

Картина четвертая

Фамилия инспектора Рыбнадзора была Неслер, и, явившись на завод, она первым делом обнаружила аммиак. (Примечание для нехимиков: реактив Неслера — один из самых чувствительных реактивов на аммиак.) Об аммиаке даже я ничего не знал, это вообще была разовая авантюра начальства. Для перевозки сверхчистой деионизованной воды предприятием был куплен семитонный чешский молоковоз. Но прежде всего надо было промыть цистерну. Туда закачали семь тонн концентрированного раствора аммиака в смеси с пергидролем, и эта заряженная бомба три дня спокойно разъезжала по городу. После того как раствор вдоволь побултыхался, его должны были слить в канализацию. И вот представьте картину: инспектора входят на завод, а их встречает открытый люк, возле которого стоит семитонная автоцистерна, и рабочий уже тянет шланг.

Семь тонн концентрированного раствора аммиака вылить в канализацию посреди города! Аум Синрике... Вовремя мадам Неслер унюхала аммиак. Далее была отобрана проба воды из отстойника очистных. ПДК по хromу оказалась превышена в сорок семь раз. Затем проверка направилась в сторону гальваники. Ручеек в знакомом люке бодро продолжал растворять бетон.

— Сегодня у вас опять авария? — заинтересовалась Фефелова. — Посмотрим на ваши очистные...

Ах, почему в этот миг рядом не было кинохроники?! Крупным планом: Фефе-

лова отковыривает картонки, на которых нарисованы шкалы приборов... Камера отъезжает: Неслер влезает по стремянке на верхушку реактентного бака и общается присутствующим, что никаких реактивов там вообще никогда не было...

Проходя через двор, Наталья Сергеевна спросила, указывая на старый заводской корпус:

— А отсюда какие стоки идут?

— Никаких! — возопило начальство. — Там механический цех, сухое производство, — и понимая, что ему уже не верить, добавило: — Вон начальник цеха идет, спросите хоть у него.

Начальник механического цеха на вопрос: «Что вы сливаете в канализацию?» — честно ответил:

— Ничего. Это этажом выше льют.

— Что ж, поднимемся этажом выше, — резюмировала Наталья Сергеевна.

Этажом выше был ни на каких чертежах не отмеченный гальванический участок.

Наконец проверяющие отбыли, а меня вызвали на ковер.

— Почему, — свистящим шепотом, — не предупредили, что очистные не готовы к работе?

— Я подавал докладные.

— Ничего не видел! Будете сидеть!

— Не видели? — Я протянул стопку копий. — Это третьи экземпляры, а вторые, на которых подписи, будет читать следователь.

Пачка докладных полетела мне в физиономию.

В течение двух последующих часов от меня пытались добиться подписания нескольких бумаг, по каждой из которых человека можно было подвести под статью. И искренне удивлялись, когда я терпеливо объяснял, почему не подписываю. Но в тот самый час, когда я очередной раз ругался с начальством, в дирекцию принесли письмо следующего содержания:

«Ленинградское отделение Союза писателей СССР, Комиссия по работе с молодыми литераторами просят командировать вашего сотрудника С. Логинова для участия в Первом Всесоюзном совещании молодых писателей-фантастов. Совещание будет проходить в Доме творчества «Малеевка» под Москвой...»

На следующий день с утра меня вызвали к генеральному директору. Он был самым молодым генеральным директором в стране, чем немало гордился весь

коллектив. Спортивного вида парень, всегда безукоризненно одетый и чрезвычайно корректный в общении, он одинаково не походил ни на крупного руководителя, ни на матерого ворюгу. Но на этот раз от его вежливости не осталось и следа. В самых матерных выражениях мне было объявлено, что я не в Дом творчества поеду, а в тюремную камеру. Но в Малеевку очень хотелось, и я решился на самый страшный блеф, какой только можно было представить в те времена.

— От Ленинграда на совещание едет всего два человека, — твердо сказал я, — обе кандидатуры утверждены обкомом партии. Можете позвонить в идеологический отдел обкома и объяснить, что вы не отпускаете утвержденного ими человека!

Не было для советского чиновника слов грознее, чем «идеологический отдел обкома КПСС». И уж разумеется, никто не стал бы впустую страшить официальное лицо этим жупелом. Это было бы кощунство за пределами мыслимого. Генеральный ни на секунду не усомнился, что меня действительно утверждали в идеологическом отделе, так что, если он вздумает оспаривать это решение, у партийных бонз может разыграть самолюбие... Широкие плечи сгорбились, генеральный обмяк и хрипло проговорил:

— Ладно, поезжай. Вернешься — поговорим.

И я поехал в Малеевку.

О Малеевке уже немало написано и, думаю, будет написано еще больше. В начале восьмидесятых это была единственная отдушина для тех, кого сейчас называют «четвертой волной» в российской фантастике. Мы сидели на семинаре, который вел замечательный писатель Дмитрий Александрович Биленкин, когда вошла бессменный руководитель «Малеевок» Нина Матвеевна Беркова и испуганным голосом сообщила:

— Товарищи! Наша страна понесла тяжелую потерю. Только что по радио передали: умер Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев.

Впечатление было сильное. Брежнев казался кем-то вроде Кошца Бессмертного, такие умирать не могут по определению. И еще мы всерьез опасались, что из-за траура нам не покажут фильм «Звездные войны». За этими тревогами никто не понял главного: эпоха застоя заканчивается, пришла пора недолгого,

но бурного царствования Юрия Владимировича Андропова.

Картина пятая

Рассказывают, что Андропов, понимая, что рыба гниет с головы и что от простых людей ничего нельзя требовать, пока развращенное начальство не думает ни о чем, кроме личного блага, приказал, чтобы в каждом министерстве и ведомстве, в любом регионе и республике были выявлены вопиющие случаи воровства и коррупции и проведены публичные процессы. И чтобы сажали не стрелочников. Из Москвы явилась группа следователей. Это были серьезные специалисты, и начали они с загадочной гальваники.

Полупроводниковое производство дает большой процент брака. В чью-то светлую голову пришла мысль погреть на этом руки. Среди десятков технологических операций есть и процесс золочения. Выделить следовые количества золота из бракованных БИС не смогли даже японцы, но мы решили эту проблему проще. Раз золото не выделить из схемы, то его просто не нужно пихать туда. И вот, в доброй половине заготовок операцию золочения стали пропускать, и «готовое» изделие просто отправлять под пресс, минуя ОТК.

А в таинственной гальванике по выходным дням доверенные люди из сэконоленного золота гнали ювелирку. К понедельнику ванны золочения успевали остыть. Разумеется, никакой плавиковой кислоты в ваннах не было, просто бритоголовый начальник не мог допустить, чтобы я зачерпнул полную кружку раствора золота. А что было бы, если бы я явился за пробой еще раз?

От ванн золочения тоже есть стоки, причем содержат они цианиды. Цианистый калий — не та вещь, которую можно безнаказанно сливать в канализацию, — СЭС анализы на цианиды делает. Поэтому криминальное руководство нейтрализовало цианосодержащие стоки солями железа. Получается безобидная берлинская лазурь. Именно для этого, а вовсе не для травления шильдиком, регулярно закупались бочки с хлорным железом. Во время работы ванн золочения концентрированный раствор хлорного железа десятиками ведер выливался в соседнюю раковину, так что еще в сливной трубе все цианиды уничтожались. Конечно,

железо это не цианид, и СЭС смотрит на превышение по железу сквозь пальцы, если сброс железных солей нерегулярен и не слишком велик. А что делать, если сливаются сотни килограмм?

Заводской корпус стоял спина к спине к НИИ особо чистых биопрепаратов. Здания имели общий подвал, разделенный кирпичной перегородкой. Однажды ночью разобрали перегородку, врезали трубу в институтскую канализацию, а затем замуровали пробитое отверстие. И все стоки начали уходить в коллектор НИИОЧБ.

Года два спустя я встретился с одним из своих одноклассников, который работал в Биопрепаратах. И спросил, не слыхал ли он что-нибудь о сбросах железа в канализацию института. И тут всегда спокойный и флегматичный человек закричал. Оказывается, проверки являлись в НИИОЧБ чуть ли не каждый день. Институт ежемесячно штрафовали, директор издавал приказы один грозней другого, все соли железа в лабораториях были изъяты и хранились в сейфах вместе с драгоценными металлами. Ничто не помогало! К концу недели содержание железа в стоках приближалось к норме, однако, хотя все работы в выходные были строжайше запрещены, в понедельник анализ показывал превышение ПДК по железу в десятки тысяч раз. Но во всем институте не нашлось любопытного, который прошелся бы по канализационной системе и заинтересовался загадочной трубой, которая ведет на соседнее предприятие...

К июню 1983 года следствие было закончено. Генеральный директор под подписку о невыезде жил на даче, где вволю мог укреплять здоровье, занимаясь спортом на свежем воздухе. В тот день, на который было назначено слушание дела, он поднялся необычно рано и, видимо, решил заняться спортом. Например, потаскать штангу или поплавать в соседнем озере. Не зная, что выбрать, директор остановился на обоих вариантах вместе. Неожиданно оказалось, что плавать со штангой — занятие непростое, директору стало плохо с сердцем, и он утонул. Во всяком случае, осиротевшим работникам «Счетмаша» объявили, что у генерального во время купания случился сердечный приступ. А шепотом добавляли о двух блинах от штанги, которые этот приступ вызвали. И все списали на утонувшего.

Действие второе. Картина первая

Маркс сказал, что история не просто повторяется, но первый раз это происходит как трагедия, а второй — как фарс. Меня пригласили большим начальником на завод имени Климова. Во все времена это был моторостроительный завод, в начале прошлого века именно там смастерили броневик, помнящий тепло ленинских пятков. Теперь на заводе делали вертолетные моторы.

Должность моя называлась: «Начальник бюро охраны окружающей среды», и я ведал не только стоками, но и выбросами в атмосферу. Мой природоохранный пыл к тому времени угас, но любопытства я не потерял и с удовольствием лазал не только по крышам, где стояли подведомственные циклоны, но и в цеха заглядывал, те, в которые меня пускали. А пускали не везде, ибо завод был военный. Удивительное дело, в цех вход по пропускам, а по крыше я брожу, как у себя дома, и, если вздумается, могу по составу выбросов составить полное представление о том, что делается под моими ногами. Были среди циклонов пара штук, привлекавших особое внимание. Пыль, которая скапливалась в них, не выбрасывали, а тщательно собирали и сдавали на переработку, причем учет велся весьма строго. Вот в этот-то цех я и отправился, поглядеть, как вырабатывается столь драгоценная пыль.

Следуя вдоль вытяжной трубы, я скоро оказался возле огромнейшего шлифовального станка. Перед станком стоял рабочий, казалось сошедший с плаката «Мой завод — моя гордость». Хорошее, непропитое лицо, прямой взгляд, щеточка седых усов. Человек этот работал, серьезно и без дураков. То он прикинул к бинокулярному микроскопу, то, остановив движение станка, мерял что-то микрометром, то просто, прищурив глаз, оценивал свое творение, так что с ходу вспомнилось лесковское «у нас глаз так пристрелявши». Наконец мастер остался доволен. Выключив станок, он снял деталь, причем не рукой, а бархоткой. Уложил ее в гнездо лакированного, фланелью высланного ящичка, закрепил в магнитных держателях новую деталь, и производственный процесс возобновился. Рядом на поддоне стояла высоченная стопка таких же лакированных ящичков.

Тут раздалось гроыхание, и в процессе показались двое знакомых рабочих. Один из мужиков катил тележку, на которой стояли четыре ящичка из-под картофеля. Остановившись возле станка, рабочие принялись открывать ящички и с грохотом сыпать лежащие в гнездах детали.

— Куда вы это? — в ужасе спросил я.

— На помойку, — последовал ответ. — Лишних понаделали...

Грохот стоял немилосердный, но уса-тый герой производственного романа и ухом не повел. Он продолжал ловить микроны... Сейчас, когда я слышу, как

нынешние старики ругают нищенские пенсии, всякий раз вспоминаю этого трудягу. Ведь это его будущая пенсия в картофельных ящиках отправлялась на свалку. Зачем собирать пыль, когда сами детали вышвыриваются на свалку?

Я обнаружил, что завод значительной частью работает на заполнение помойки. Вывозились застывшие потеки ма-гния из литейки, выбрасывались детали из нержавеющей стали (стружку сдавали на переплавку!), страна целеустремленно производила свою грядущую нищету. Однажды я увидел, как в самосвал грузят болванки диаметром десять сантиметров и два метра длиной. Их, казалось бы, можно двигать лишь краном, однако молодцы довольно легко ворочали их вручную — это был титан. Я не выдержал и пошел к главному энергетика. Оказалось, что титан заводу вовсе не нужен, нужна нержавеющая сталь, но даже выделенные лимиты получить удается далеко не всегда. А если лимиты не будут выбраны, то на будущий год их урежут. Титан шел по той же графе, что и нержавеющая, так что в те годы, когда нержавеющей стали не удавалось, завод добирал остатки ненужным ему титаном. Через двенадцать лет его списывали, хотя ничего ему за это время сделать не могло. Но и списанный титан было некуда девать. Вторчермет его не принимал, ибо это не железо, Вторцветмет — тоже, поскольку титан стратегический материал и без соответствующих документов принят быть не может. А получать соответствующие документы — значит, объяснять, чего ради завод его приобрел. Не принимали его и на свалке, но за пол-литра спирта охрана пропускала самосвал и позволяла высыпать его содержимое.

Через несколько лет Управление вторичными ресурсами столкнулось с той же проблемой, что и завод: титан не гниет и не ржавеет, девать стратегическое сырье некуда, а накопилось его на свалке видимо-невидимо. Последний раз я видел этот титан по телевизору — господин Невзоров, ведущий передачи «600 секунд», создавал себе имя, раскручивая титановый скандал. Партия титана была задержана на таможене, и Невзоров старался разузнать, где были украдены стратегические материалы, а они вовсе и не были украдены. Оборотистые импортеры просто купили его на свалке.

Картина вторая

Ежеквартальные отчеты нужно было посылать в головную организацию, предварительно согласовав их с Водоканалом, Бассейновой инспекцией, Газовой инспекцией и региональным Статуправлением. И вот, когда подходила пора отчетов, я, появившись с утра на работе, отмечался у табельщицы, громко объявлял: «Я поехал в Статуправление!» — и уходил в библиотеку. На следующий

день история повторялась. Затем я два дня гулял в «Бассейновую» и так далее по списку. Раз в три месяца восемь дополнительных выходных — это не так уж много, но, в конце концов, начальство заявило, что я прогуливаю работу, ибо для согласования отчета надо двадцать минут.

Я предложил главному энергетика поехать в Водоканал вместе со мной и на деле доказать, что нет ничего проще согласования природоохранных документов. На следующий день в пол-одиннадцатого мы уже сидели в самом хвосте длиннейшей очереди. К пятнадцати часам мы проникли в кабинет. Дальнейшее напоминало дурную кинокомедию со швырянием тортов и падением мордой в грязь. От отчета не осталось камня на камне, каждая цифра была объявлена подтасовкой, а весь отчет полной глупостью, если не преступлением.

— Успокойтесь, — сказал я. — Завтра я привезу согласование, хотя в отчете не будет изменено ни одной цифры.

На самом деле начальник был прав, я действительно прогуливал работу, правда, не восемь, а лишь семь дней. Один день уходил на то, чтобы согласовать отчет во всех четырех инстанциях, разбросанных по разным концам города. Как я это делал, расскажу в самом конце.

Между тем на мою голову свалилось новое безумное распоряжение. Охрана природы по-советски состояла, в полном соответствии с ленинскими словами, из учета и контроля. Сбрасывать дозволялось что угодно и куда угодно, но надо было учитывать вредные сбросы. И вот чей-то мощный разум придумал гениальный ход. Рассуждал он следующим образом: инвентаризация источников вредных выбросов на всех предприятиях министерства проведена, то есть мы знаем, сколько грязи в секунду вырабатывает каждый механизм. Если где существуют очистные, то известен и их КПД. Значит, мы знаем, сколько грязи в секунду выделяет в атмосферу каждый источник. Теперь осталось выяснить, сколько секунд в году работал каждый источник, и мы узнаем, сколько выброшено в атмосферу всех видов грязи.

Итак, около каждого источника загрязнений следовало положить толстый журнал четвертого формата и отмечать в нем число, час и минуту включения механизма, а также его выключение. Делать это должны были сами рабочие, на мою долю выпала обязанность следить, чтобы все делалось правильно и в срок, а также обсчитывать все данные, сводить их в общие таблицы и отсылать. Оставим в стороне то, что ни один рабочий не станет этого делать, подойдем чисто формально. Моторостроительный завод имени Климова — завод механический, источников вредных выбросов в атмосферу на нем около восьмисот, причем более полутысячи — это точильные круги. Я не поленился и сделал хронометраж. Выяснилось, что рабочие подходят по-

точить свой инструмент достаточно часто. С учетом полуторасменной работы каждый круг ежедневно включался около сорока раз. Умножаем на пятьсот и получаем сорок тысяч записей в день, десять миллионов записей в год. Десять тысяч журналов, пятнадцать тонн бумаги, а для ручного обсчета подобного массива чисел — шестнадцать сотрудников.

Все это я изложил письменно, отпечатал на фирменном бланке и отослал в министерство. Причем я не оспаривал разумность введения формы, я всего лишь просил выделить заводу лимиты на бумагу (пятнадцать тонн в год) и штатные места для сотрудников, которые будут все это обсчитывать. Ответа из министерства не последовало. Однако со временем грянул гром. С проверкой прибыл лично замминистра по охране природы. На вопрос, какие имеются трудности, я принял жаловаться на огромное количество бессмысленных бумаг. Замминистра произнес: «Разберемся. А пока — заполните вот это», — и он протянул мне пачку бумаг, толщиной с руку.

Зато на следующий день мне позвонили с завода «Светлана» и пригласили приехать к ним, посмотреть, как производится проверка. Замминистра подводили к каким-то механизмам и показывали лежащие рядом журналы. Проверяющий лениво листал их, благосклонно кивал и шел дальше. Лаборантка, прятаясь вместе со мной за углом, хватала просмотренные журналы, быстро забегала вперед и раскладывала их на пути замминистра. Так повторилось несколько раз, затем комиссия скрылась в кабинете главного энергетика, а мой коллега, задержавшись на полминуты, вручил журналы мне и сказал, что завтра проверка у нас, а потом за ними приедут люди со сталепрокатного, которые, в свою очередь, передадут их дальше.

Просто бездельничать я еще мог, но участвовать во всеобщем фиглярстве оказалось свыше сил. Когда замминистра прибыл на завод во второй раз, его ждали девственно незаполненные бумаги. На требовательное «почему?» я ответил, что постановлением Совета Министров запрещены любые формы отчетности, не утвержденные Центральным статистическим управлением.

— А почему не внедрен учет выбросов?

— Потому, что ее физически невозможно осуществить.

— На других заводах почему-то все внедрено!

— Если вы говорите вот об этих книжечках, — я помахал перед его носом четырема журналами, — то вот они. Вчера получил их на «Светлане», завтра передам сталепрокатному. И если вы не поняли, что вам уже три дня кряду показывают одну и ту же липу, то вам венки вязать не по разуму. А если все видели, но молчали, то вам не в этом кресле сидеть, а на скамье подсудимых!

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Замминистра полиловел и почему-то замахал руками. Зато второй проверяющий — главный энергетик министерства — от хохота едва не сполз под стол.

Картина третья

Именно в этот день до завода добралось письмо. «Ленинградское отделение Союза писателей СССР, Комиссия по работе с молодыми литераторами просят командировать вашего сотрудника С. Логинова для участия в Третьем Всесоюзном совещании молодых писателей-фантастов. Совещание будет проходить в Доме творчества «Малеевка» под Москвой...»

На следующий день с утра меня вызвали к генеральному конструктору. Когда прозвучали слова, что меня не в Дом творчества посылать надо, а гнать с завода поганой метлой, я не мог сказать ничего другого, кроме:

— От Ленинграда на совещание едет всего два человека, обе кандидатуры утверждены обкомом партии. Если угодно, можете позвонить в идеологический отдел обкома и объяснить, что вы не отпускаете утвержденного ими человека!

На самом деле на «Малеевку-84» от Ленинграда ехало три человека, но язык не повернулся изменить хоть что-то во фразе, которую продиктовало *deja vu*. И результат оказался точно таким же, что и в прошлый раз. Генеральный конструктор, пожилой и заслуженный человек, всю жизнь проработавший в военном ведомстве, сник и хрипло проговорил:

— Ладно, поезжай. Вернешься — поговорим.

И я поехал в Малеевку.

Даже там меня не отпускало ощущение, что все это уже со мной было, и, когда за день до показа второй серии «Звездных войн» нам объявили, что умер Черненко, я воспринял этот факт как нечто само собой разумеющееся, тем более что во время «Малеевки» 1983 года, на которой я не был, скончался Андропов. Так что фантасты считали уже доброй традицией смотреть «Звездные войны» во время всенародного траура.

Когда я вновь появился на заводе, начальство долго молчало, а потом спросило:

— Ну, что делать будем?

— Прежде всего, — сказал я, — нужно закончить годовой отчет и согласовать

его. На это уйдет две недели. Затем мне будет нужно две недели, чтобы найти новое место работы. Пятнадцатого января я напишу заявление по собственному желанию.

Начальство удовлетворенно кивнуло.

Осталось открыть секрет согласования отчетов. Вдвоем с дамой, которой предстояло замещать меня на должности начальника бюро, мы отправились в Водоканал. Там я показал очередь жаждущих согласования и объяснил, что становиться в нее не следует. Мы поднялись на второй этаж и ввалились напрямик в приемную директора.

— Здравствуйте! — возгласил я, улыбаясь самой широкой и кретинической из возможных улыбок. — Мы с завода Климова, привезли вам какую-то бумагу.

Секретарша взяла «бумагу», то есть наш отчет, и вписала его в журнал входящих документов.

— Мне бы пометочку, что мы привезли... — напомнил я, протягивая свой экземпляр, который немедленно украсился штампом: «Принято. Водоканал», и закорючкой подписи. Вот и все, для любой контролирующей организации подобный оттиск мог означать только одно — Водоканал принял мой отчет.

Разумеется, никакой работы в эти недели я не искал. Я дописывал последние страницы повести. А работа нашла меня сама. Мне предложили должность начальника отдела охраны окружающей среды на Ленинградском механическом заводе. А ЛМЗ это не просто завод, а объединение нескольких заводов, на каждом из которых свое бюро охраны окружающей среды, и я должен был начальствовать над всеми разом. Должность эта уже номенклатурная, так что следовало вступить в партию...

Вот тут мне стало страшно. Если каждые два года я со скандалом буду уходить на повышение, то к пятидесяти годам стану главой государства и во время очередной «Малеевки», за день до показа «Звездных войн», по мне объявят всенародный траур. Я с благодарностью отказался от предложенной должности и устроился грузчиком в ближайший универсам. Но это уже совсем другая история.

